Первой жертвой экспедиции в Лабиринт стали их часы. Вскоре после резни в Мирмекисе минутная и часовая стрелки их часов начали двигаться без ритма и причины. В один момент шаг длился именно так, как должен был длиться, в другой два удара сердца случались так, что они длились четыре часа... а потом минутные стрелки уходили в прошлое.

Окружающие не помогали бороться с этим эффектом искажения времени. Через несколько шагов после того, как они оставили за спиной зарубленные руки, коридор, по которому они шли, оказался таким подземным ходом, который можно представить себе как тайный ход под пирамидами или что-то в этом роде.

Люку хотелось верить, что за час ходьбы они не попали в Египет, но, увы, с Лабиринтом это было далеко не невозможно: Зона Дедала "Морталис" без труда привела двух гигантских скорпионов, которых Лу Эллен сожгла своими огненными шарами, или разрушенные колонны, на которых под кучей пыли были высечены многочисленные Иероглифы.

Что касается возвращения ко входу, то об этом лучше было не думать: путь изгибался и менялся, когда он на короткое мгновение взял на себя арьергардные обязанности. Идти можно было только вперед.

Они продолжали идти вперед, и шаг за шагом песок исчезал, сменяясь видом темного камня, который сын Гермеса никогда раньше не видел. На стенах появился новый знак: черная рука под черной короной. Иногда рука хватала царский предмет, иногда не касалась его. Значение этой эмблемы ускользало от него.

Наконец они вышли из туннеля и оказались на чем-то вроде платформы-моста. На какую-то секунду старейший полубог - если не считать Найтшейда - подумал, не вышли ли они из Лабиринта.

Но это было недолго. Они только что прибыли на бельведер, где могли созерцать необъятность лабиринта.

Как он сказал, они находились на своеобразном бельведере-мосту. Рядом с ними были десятки таких же, некоторые из них были более высокими, а другие опускались ниже. Были целые, а были поврежденные или в более запущенном состоянии.

Мосты, однако, были наименее впечатляющей частью. Позади и впереди над ними возвышались огромные стены из черного и белого камня. В то же время фундаменты этих сооружений терялись в безднах внизу. И на каждом из этих сооружений были тысячи, может быть, десятки тысяч отверстий, и все они предлагали пути к ним. Куда бы ты ни посмотрел, это были бесчисленные тропы, туннели, дороги, мосты... и ничего, что могло бы помочь тебе сделать выбор, кроме неразборчивых надписей.

"Боги, - Дакота перестал пить из своей фляги "Кул-Эйд" при виде этого зрелища, - это не может быть делом рук одного человека!"

"Это не так", - сказала Миранда Гардинер. "Это абсолютное безумие и..."

Слева от них вырос массивный каменный блок, и вскоре тишина Лабиринта нарушилась, сменившись громopodobными звуками, когда колонны и целые секции Лабиринтов перестраивались. Мост, на котором они остановились, начал двигаться, не оставляя им другого выбора, кроме как пересечь пропасть, поскольку все вокруг двигалось и дрожало.

Нанеси удар по Охотнице.

Первый шепот, который он услышал, был голосом Талии.

Она собирается предать тебя, как предавала всех мужчин. Убей ее! Убей Охотницу!

Несколько раз ему приходилось помогать Дрю Танаке, когда дочь Афродиты спотыкалась о камни, которые взрывались у них под ногами.

Убей её, она бесполезна. Убей её!

Казалось, прошло два часа, когда Лабиринт перестал трястись, и у Люка горели легкие, когда наконец был объявлен привал.

По сравнению с предыдущими пейзажами это было не так уж и впечатляюще. Две трети из них отправились сидеть в центре нового большого моста из белого камня, который составлял всю инфраструктуру вокруг них, осторожно не подходя слишком близко от безбарьерного края. Грязно-коричневая застоявшаяся вода внизу не представляла собой ничего угрожающего, но это точно не было тем, на что хотелось поставить свою жизнь.

"Черт, - кашлянул сын Гефеста, - что это было?"

"Это, друг мой, - улыбнулся Джексон, - Лабиринт приветствовал нас".

"Ты называешь это приветствием?" воскликнула Аннабет. "Ты с ума сошел?"

"Расскажи мне о своей совиности, - потому что, конечно же, зеленоглазый полубог должен был шутить про сов, - видел ли ты, как под твоими ногами открывались ямы, наполненные шипами и змеями? Приходилось ли тебе карабкаться по отвесным стенам, не имея ничего, кроме рук и мужества? Нет? Тогда это было дружеское приветствие".

"Но мы шли в хорошем направлении?" спросила Кларисса Ла Рю, изо всех сил стараясь не выдать своего изнеможения. В такой тяжелой броне, как у нее, гонка, которую они только что совершили, не была легкой для нее... ну, она ни для кого не была легкой, но она собиралась почувствовать это в ближайшие дни.

"Так и есть", - сказал сын Посейдона, в кои-то веки серьезно. "И как бы я ни был уверен, что вы все будете проклинать мое имя за это, мы не можем отдыхать часами после такого "приветствия", как это. Изменения маршрутов привлекут монстров и..."

Цвейхендер Сципиона Вара вырвался из ножен и нанес злобный удар сыну Посейдона.

У Луки не было времени выкрикнуть ни слова предупреждения, и он был уверен, что младший черноволосый полубог не заметил его приближения. Огромный клинок прошел к его горлу... и остановился.

Из уст римского убийцы вырвался звук боли, который затем превратился в открытый крик агонии. Кольцо, которое он носил на одном из пальцев левой руки, начало светиться странным розовым светом.

"ARRRGGGH!"

"Что ж, отдадим должное олимпийцам, они знают, как выбирать своих домашних убийц", - Персей Джексон не стал доставать один из своих мечей, вместо этого он открыл сумку, предложенную одной из его горгулий, и взял сэндвич... который принялся есть.

"Что ты сделал со мной, Джексон?" - успел сформулировать коварный сын Вануса, прежде чем снова закричал от боли, и розовый ореол охватил всю его руку.

"Что я сделал?" - ухмылка вернулась, хотя эффект был не самым лучшим из-за регулярно проглатываемого хлеба и еды. "О, уверяю вас, мои деяния в этом деле были действительно малозначительны..."

Десять других квесторов смотрели на него с недоверчивым выражением лица, а некоторые и с легким страхом. Никто не бросился на помощь семнадцатилетнему полубогу, стоявшему на коленях, хотя Найтшейд держала наготове стрелу, а в правой руке Блэкстоуна плясал огненный шар.

"Так, настало время исповеди, Сципион Вар. Кольцо, которое я подарил тебе после нашей битвы с мирмекийцами? Это было не совсем доказательство моей вечной дружбы, и оно не было частью сокровищ Мирмекиев... это был скорее запасной план на случай, если ты попытаешься меня убить".

"Но..." Люк изо всех сил старался не скорчить гримасу, когда раздался звук щелкающих и перестраивающихся под действием магии костей, а сапоги бывшего legionera начали разрываться изнутри. Ему не удалось. "Но зачем тебе это делать, если..."

Идея вспыхнула в его мыслях и отказалась исчезать. Но Аннабет заговорила быстрее, чем он.

"Ты знал! Ты знал, что он вызвался на Великий поход с единственной целью - убить тебя".

"Признаюсь, возможно, некоторые разговоры заставили меня усомниться в лояльности пресловутого Сципиона Вара", - признался Персей Джексон, положив руку на сердце - если, конечно, оно у него есть - и обнажив зубы. Затем зеленоглазый мальчик вздохнул, после чего направился к делам Вара и порылся в них. "А, вот оно". Изъятый предмет оказался классическим свитком, какими пользовались официальные посланники Олимпа, подобных которым Новая Византия тысячами хранила в своих архивах. Однако на этом, развернутом, внизу красовалась легко узнаваемая громовая печать.

Крылья Гермеса, Зевс назначил награду за голову Джексона? Если что, их проводник по Лабиринту выглядел крайне недовольным.

"Это возмутительно! За мою голову предлагают всего три миллиона драхм? Что это за божественная система? Это просто скандал! Столько магазинов и заповедников я разграбил и разворовал, а стою всего три миллиона? Это просто смешно! Я собираюсь..."

"Послать сообщение на Олимп, чтобы увеличить вознаграждение?" сладко спросила Лу Эллен, изо всех сил стараясь не рассмеяться над разочарованным лицом сына Посейдона. "Не обижайся, Джексон, но это не совсем то послание, которое отправляют на Олимп, если только тебе не надоело жить".

"Тебе придется вынести тяжесть этих мучений", - одобрила Дрю Танака, в кои-то веки вернув себе прежнее поведение. "Но я не понимаю, почему ты принял его в Великий Квест, если уже знал, что он предаст тебя, несмотря ни на что".

"У нас не было избытка добровольцев, Дарси", - сын Посейдона заставил инкриминирующий документ исчезнуть в одном из его карманов. "И если ты позаботишься о менее способных убийцах, то как тебя вообще можно предать?"

Это не было аргументом здравомыслящей души, но Люк не знал, почему он ожидал чего-то другого...

"Меня зовут не Дейзи, и помяни мое слово..."

Сципион Варус снова закричал, и все замолчали или попытались высказать свое мнение сыну Посейдона.

"Ах, теперь все действительно начинается".

Было что-то поистине... ужасающе забавное в том, чтобы видеть, как один из самых опасных римских мечников своего дома теряет человечность. Этого не должно быть, но это было так.

Сначала вырвался хвост с таким нелепым звуком, что все захихикали или чуть не умерли от умиления. Затем взорвалась одежда, и там, где одежды уже не было, квестеры увидели то, что Сципион Вар проклял кольцом, которое он все еще пытался снять с пальца.

Он превращался в крокодила. Несомненно, очень чешуйчатая и угрожающая рептилия, но деталь, которая слишком сильно поразила его и других квесторов, заключалась в том, что это был розовый крокодил.

Человеческие пальцы сменились розовыми лапами. Человеческий нос уменьшился, а затем появилось могучее розовое рыло. Спина теперь была намного прочнее, чем кожа даже полубога... и тоже очень, очень ярко-розовая, что уж говорить о брюхе.

"Сципион Варус, - объявил Персей Джексон, и бывший человек поморщился от боли превращения, - властью, не дарованной мне Сенатом Нового Константинополя, я официально объявляю твое участие в этом Великом Квесте законченным. Вместо этого я с огромным удовольствием официально назначаю тебя во вновь созданный Legio Crocodilus, где ты получишь звание центуриона Розуса!"

К этому моменту, оглядываясь назад, можно было сказать, что хорошо, что Лабиринт решил оставить их в покое, потому что они смеялись так сильно, что им было бы трудно организовать даже незначительную оборону против чего-то угрожающего.

"А теперь плохие новости, мой новый вечный рептилоидный друг", - зеленоглазый полубог снова принял скорбное выражение лица. "Ты был мне как брат, Сципион, и при всем моем терпении... крокодилем... я не могу найти в себе силы помиловать тебя. Я могу рассмотреть возможность финансовой поддержки твоих юных братьев и сестер - если они у тебя есть - до их совершеннолетия, но обещанных двух миллионов драхм ты не получишь, твоя доля в награбленном конфискуется, а твое имя навсегда останется синонимом неподобающего посягательства на мою славную персону".

На лице Джексона больше не было печали, когда его монолог закончился. Была лишь очень, очень садистская улыбка, и Люк Кастеллан содрогнулся, потому что по тому, как розовый крокодил и человек стояли друг напротив друга, нетрудно было понять, кто из них двоих опаснее.

Это подтвердилось секундой позже, когда коричневый извернулся и таким макрогидрокинезом, какого никто не пробовал уже несколько десятилетий, схватил преображенного Сципиона Вара за шею.

"Этот день ты всегда будешь помнить как день, когда ты чуть не убил Персея Джексона, саурианец!" Безумный полубог оскалил зубы. "А теперь удалитесь из моего присутствия, у меня появилось внезапное желание сделать себе чешуйчатый саквояж!"

Крокодил, в которого превратился двенадцатый квестор, был отброшен водой, словно он был всего лишь игрушкой, а Варус - или то, что от него осталось после превращения чародея, -

воспринял угрозу всерьез, потому что в течение следующих минут он не вернулся.

"Это последний раз, когда мы его видели, помяни мое слово!"

<http://tl.rulate.ru/book/105229/3713923>